

Забастовки следовали за мной всю мою жизнь: тридцать седьмое письмо (2019).

Жители прошли маршем к полицейскому участку Вудстока 30 июля 2019, чтобы потребовать объяснений, почему рейд состоялся и почему это было сделано с такой крайней жестокостью. Barry Christianson / Барри Кристиансона, New Frame.

Дорогие друзья,

Приветствую вас из кабинета Tricontinental: Института социальных исследований.

На протяжении нескольких последних недель, группы разгневанных людей в одних из самых бедных районах Южной Африки атаковали небольшие магазины — spaza в своих собственных районах (Spaza shop — это неформальный магазин в Южной Африке, обычно работающий на дому — прим. перевод.). Настроение этих атак было совершенно ксенофобским, так как на владельцев или рабочих в этих магазинах spaza в основном смотрят как на иностранцев. Работники и владельцы этих магазинов приезжают из таких далёких мест, как Бангладеш, и таких близких, как Зимбабве. Президенту Южной Африки Сирилу Рамафосе потребовались недели, чтобы как-то отреагировать на это насилие. “Не может быть никакого оправдания нападениям на дома и предприятия иностранных граждан, как не может быть никакого оправдания ксенофобии или любой другой форме нетерпимости”, — заявил он 5 сентября.

Такие ксенофобские атаки происходят не впервые. Существует живая память о них тянущаяся с 1994 года. Но этот последний цикл начался в 2008, когда шоковая волна глобального кредитного кризиса ударила по нижней части африканского континента с значительной силой. Миллионы рабочих мест были потеряны, уровень безработицы превысил 25% (теперь он находится на отметке 29%). Не было никакого улучшения ситуации с тех пор, и эти ксенофобные нападения, возникающие время от времени, как, например, в прошлом году, являются показателем экономического и социального неблагополучия. Чтобы вполне ознакомиться с контекстом этого насилия, пожалуйста **прочитайте** книгу Сисонке Мсиманге «Belonging» (Принадлежность) 2014 года.

Бхайиза Мийя из Кризисного Комитета Тембелихле **рассказал** Жану Борнману из New Frame, что ключевые факторы — это безработица, бедность и политическая токсичность. “Наши братья и сестры из других стран не несут ответственности за это”, — сказал он об этих трех факторах. “Они живут с нами в наших общинах”. Бхайиза объяснил, что это не мигранты были избраны, чтобы осуществлять власть над общинами; скорее, вина лежит

на тех, кого “мы избрали, чтобы осуществлять контроль, те кто крадет у нас сегодня. Поэтому, какое бы разочарование или гнев мы ни хотели выместить, мы должны вымещать его на них, потому что это они — те, кто держит все, что мы хотим”. Комментарии Бхайизы идут против приливной волны расизма, репликации старого расизма, “который стал возможен в силу неспособности демонтировать структуру, созданную во время апартеида”, — как **пишет**, студент Университета Кейптауна, Иван Катсере.

Всплеск ксенофобского насилия не был только делом рук одних бедных людей над другими; полиция также приняла в нем участие. Жёсткие полицейские рейды в начале августа против торговцев контрафактными товарами — многие из них беззащитные мигранты — задают тон для ксенофобных атак. Убийство таксиста в Южно-Африканской столице Претории привело к **обвинениям** против наркоторговцев, которые снова были охарактеризованы как иностранные граждане.

Протестующие использовали статую Луиса Боты у здания парламента в Кейптауне в качестве протестного пункта и щита для плакатов и транспарантов. Barry Christianson / Барри Кристиансона, New Frame.

Ксенофобское насилие является частью череды насилия и также протестом против этого насилия. Каждые три часа (по данным полиции ЮАР) убивают одну женщину в Южной Африке. Недавно студентка Кейптаунского университета Уинене Мрветьяна была изнасилована и убита. От студентов до **шахтёров**, женщины вышли на улицы в знак протеста против насилия в их отношении. Неудивительно, что в разгар всего этого кипения именно такие женщины, как Селеста Камерон и Натали ван Ройен, образуют группы для защиты магазинов spaza. Мы gatvol – сыты по горло — **говорит** Камерон. Идея “хватит – значит хватит” находит отклик против ксенофобского и патриархального насилия.

African Guernica / Африканская Герника, 1967. Dumile Feni / Думиле Фени.

В своем последнем обращении о положении в стране президент Рамафоса признал, что Южная Африка нуждается в “радикальных экономических преобразованиях”. Но никаких преобразований не видно на горизонте. Его министр финансов, Тито Мбовени, который однажды был министром труда, перешёл в мир МВФ фундаментализма. Заявления о “финансовом благоразумии” не дают никакой надежды на “радикальную трансформацию”. Это классический набор приёмов МВФ – бюджеты, которые прикрывают богатых от налогов и которые урезают финансирование для проектов социального обеспечения для бедных. Как **говорит** Майкл Нассен Смит из Института Африканские альтернативы: “Мы уйдем в депрессивную годовую круговую петлю: экономика замедлится, финансовый пояс затянется, экономика замедлится ещё сильнее, и пояс затянется и так далее, с бедными и уязвимыми несущими на себе всё бремя”. Другими словами бремя ложится на одну часть бедных, которые становятся все беднее и беднее, и потом с яростью поворачиваются на другую часть бедных, а именно на работников

магазинов spaza.

Комментарии Бхайизы Мийи о грабеже здесь уместны. В докладе Группы высокого уровня по незаконным финансовым потокам из Африки (Report of the High-Level Panel on Illicit Financial Flows from Africa, 2018) **отмечается**, что ежегодно континент покидает не менее \$50 миллиардов долларов США. Это включает неверное ценообразование в торговле и размывание базы (размывание налоговой/налогооблагаемой базы и вывод доходов/прибыли из-под налогообложения — прим. перевод.), ложное выставление счетов и операции «хавала» (hawala араб., — неформальная финансово-расчётная система — прим. перевод.). Группа, которую возглавлял бывший президент Южной Африки Табо Мбеки, заявила, что фактическая сумма потерь “вероятно, превышает \$50 миллиардов долларов в разы”. Значительная часть этих денег вытекает из Южной Африки. Как этот вид мошенничества, так и обычное извлечение прибавочной стоимости из рабочих приводят к резкому неравенству в Южной Африке. Пальцы не указывают в этом направлении. Они ошибочно направлены на уязвимых работников мелких магазинов spaza. Это именно эти магазины сжигают дотла, в то время как тихое воровство капитализма продолжается безнаказанно.

Досье номер 20 Института социальных исследований Tricontinental, Когда вы плохо обращаетесь с африканцами, я вас вижу: Краткая история Союза промышленных и коммерческих рабочих Южной Африки (1919-1931).

Сто лет назад, рабочие по всей Южной Африке объединялись, чтобы создать профсоюз работников промышленности и торговли (ICU). Вскоре десятки тысяч рабочих стекались в ICU благодаря его решимости и стойкости. Рабочие высоко ценили интернационализм профсоюза, который распространился за пределы Южной Африки в соседние африканские государства. Ж. Т. Гумеде посетил СССР и был покорен, как мы пишем в нашем **последнем** досье, “попыткой преодолеть этнический национализм в Советском союзе”. Революционное движение ICU не имело своей целью превратить раздоры в стране в расовую войну. “Сегодня черный и бедный белый человек угнетены”, — сказал Гумеде на собрании ICU в Дурбане. “Деньги идут к капиталистам. Работайте вместе во имя национальной независимости этой страны”.

Названием нашего 20-го досье стало – *Когда вы плохо обращаетесь с африканцами, я вас вижу: Краткая история Союза промышленных и коммерческих рабочих Южной Африки (1919-1931)*. Первая часть названия взята из интервью лидера ICU Джейсона Джингоуса, которое он дал в 1927. Он берет инициалы союза – ICU – и даёт им более полное значение – если рабочим не платят, тогда я тебя вижу (I see you – ICU); если с рабочими плохо обращаются в общественных местах, тогда я тебя вижу.

Вторая часть названия указывает на важность истории рабочих и их организаций. Эти истории по большей части были стерты или нейтрализованы, совершенно забыты или рассматриваются, как незначительная часть прошлого. Существует мало понимания того, как борьба этих рабочих произвела историческую динамику, которая привела к концу апартеида в Южной Африке, и как они создали традиции достоинства, которые длятся до

сих пор. Именно эти организации, такие как ICU, упорно боролись за создание социалистического сознания против дешевой ловушки этнического национализма. Южноафриканский народ не одержал бы победу над апартеидом, если бы не их упорная борьба, которая включала борьбу национальных меньшинств и соседних стран, которые предоставляли южноафриканским бойцам базы на своих территориях и тыловую поддержку. Сейчас сводить воображение в Южной Африке к ксенофобии — это трагедия против истории.

Движение против апартеида в Южной Африке было в значительной степени сформировано его рабочим классом и её профсоюзами. Среди многих сотен и тысяч рабочих и профсоюзных лидеров была Эмма Машинини, чья автобиография дала название нашему письму на этой неделе. Когда ей было четырнадцать лет Эмма пошла работать на швейную фабрику, где она скоро стала профсоюзным организатором. Она стала лидером Национального союза работников одежды и торговли, общественного питания и объединенных рабочих Южной Африки. Когда она поняла, что её фабрика шьёт полицейскую форму “для резни моего народа, я была в ужасе”. “Организация профсоюзов”, — утверждала она, — “должна быть широко политической”. Эмма принадлежала к традициям ICU, политического союза с широким горизонтом для социальных преобразований.

Видеозапись **Эмма Машинини**, 2011.

В 1981 Эмма была арестована и содержалась под стражей без предъявления обвинений в соответствии с Законом о терроризме 1967. “В тюрьме ты переживаешь обо всем”, — вспоминала она позже, — “Ты убиваешься из-за того, что находишься там”, вдали от борьбы, ты задыхаешься.

Милагро Сала с обращением на демонстрации в Жужуй.

На прошлой неделе я взял **интервью** у Элизабет Гомес Алькорта, адвоката Милагро Салы. Сала, представительница коренного народа Аргентины, была арестована в 2013, провела время в тюрьме в предварительном заключении, и теперь находится под домашним арестом. Она лидер Районной Ассоциации Тупак Амару (Asociación Barrial Túpac Amaru) и важная политическая фигура для левых в Аргентине. Гомес Алькорта рассказала мне, что с тех пор, как Салу арестовали, не было никакой агитационной активности со стороны её ассоциации. Нельзя недооценивать устрашающую силу государственных репрессий. Это то, о чём переживала Эмма, и это то, что испытывает на себе Сала. Атака на коренных жителей, на мапуче в Патагонии или Салу в Жужуй, говорит Гомес Алькорта, это “война против тех, кого не существует”.

Гомес Алькорта говорит, что Сала продолжает быть символом борьбы по четырем причинам. Во-первых, она была переведена из предварительного заключения под

домашний арест. Во-вторых, она по-прежнему жива – это не малозначительный факт, если вспомнить убийства такого большого количества активистов (от Сантьяго Мальдонадо до Рафаэля Науэля). В-третьих, правительство пошло за Ассоциацией Тупак Амару и его членами, уничтожило восемь тысяч домов, три школы и больницу. Такой уровень репрессий не сломил настроения в общине Жужуй, и Сала продолжает быть их лидером. В-четвёртых, это дело никуда не исчезло. Плакаты и рисунки Салы видны по всей Аргентине. Свободу Милагре (Liberen a Milagro) говорят надписи.

“История Милагры Салы ещё не закончена”, — говорит Гомес Алькорта. Когда она будет освобождена, Милагро Сала снова станет лидером её региона и теперь – из-за этого дела – символом борьбы против старого режима. Это будет грандиозным событием если Милагро Сала, женщина коренного народа, сможет вознестись из своей тюрьмы на вершину политического мира Аргентины.

Забастовки следовали за Салой всю её жизнь, как они следовали за Эммой Машинини. Эти активисты понимают, что социальные разделения на руку богатым, в то время как социальное единство на руку бедным. Эти пожары в маленьких магазинах *spaza* в Южной Африке, зеркально отображают атаки на дома, школы и больницы в провинции Милагры Салы Жужуй. Слез недостаточно чтобы погасить эти пожары.

С теплотой, Виджай.